

Их, конечно, нельзя назвать главами, фактически они являются фрагментарными заметками по поводу названных в них категорий.

Итак, эрудиция автора в вопросах общей лексикологии не вызывает сомнений. Но по русской лексикологии охвачен не весь материал, данное разграничение лексических групп нельзя признать удовлетворительным. О. С. Ахманова дает списки слов без текста, а именно текст часто играет определяющую роль в выявлении значения

слов. Если книга будет переиздаваться, то вторая часть потребует серьезной переработки. Но в общем книга, несомненно, заслуживает внимания и весьма поучительна. В книге много свежего материала, особенно в ее первой части, свидетельствующей о широте взглядов автора, о его глубокой эрудиции, об умении оперировать материалом, давать правильные анализы и делать самостоятельные выводы.

Е. М. Галкина-Федорук

А. А. Юлдашев. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. — М., Изд-во АН СССР, 1958. 196 стр.

Книга А. А. Юлдашева представляет собой монографию о башкирском глаголе, содержащую все сведения, касающиеся анализа как самих глагольных корней с точки зрения их структуры, с одной стороны, и семантики — с другой, так и всей системы словообразования и словоизменения башкирского глагола. Базируясь на ранее проведенных исследованиях, автор внес некоторые новые идеи, новые методические приемы исследования и главным образом новый, хорошо интерпретированный материал, углубляющий и уточняющий учение о глаголе в башкирском и вообще в тюркских языках.

В соответствии с целями исследования, изложенными в «Предисловии» (стр. 3—4) и «Введении» (стр. 5—15), книга делится на две части: ч. 1 — «Система словообразования» (стр. 17—112) и ч. 2 — «Система спряжения» (стр. 113—187).

Много интересного и нового как в отношении материала, так и его использования читатель найдет в главе, посвященной характеристике строения глагольных корней и их семантики (стр. 19—46). Некоторые новые сведения имеются в этой главе и относительно древних способов словообразования глаголов в тюркских языках и, в частности, относительно способов дифференциации корней путем внутренней флексии, путем использования палатализации и опереднения гласных основы, путем использования редукции конечных и начальных звуков корня и проч. Сведения из этой слабо изученной области древних способов словообразования в тюркских языках представляют значительный интерес для изучения исторического развития как башкирского языка, так и других тюркских языков.

Свое дальнейшее развитие в книге А. А. Юлдашева получило исследование вопросов семасиологии тюркского глагола вообще и семантики глагольного корня в частности (стр. 37—46).

Значительной заслугой автора рецензируемой монографии является разработка вопросов, связанных с анализом составных (или так называемых апалитических) основ глагола, образовавшихся путем словосложения [см. стр. 54—63 в гл. «Словообра-

зование глаголов от других частей речи» (стр. 47—63)]. Исследование составных и сложных тюркских глаголов и вообще вопросов словосложения как одного из основных способов словообразования началось по существу только в самое последнее время, и поэтому каждая работа, касающаяся в той или иной степени этих вопросов, дает новые сведения для разработки проблемы словосложения. Значительный и интересный в этом отношении материал представлен и в настоящей книге, хотя, как мы увидим ниже, в разрешении некоторых деталей этой проблемы нельзя согласиться с автором. Новую постановку вопроса можно найти также в главах, посвященных так называемому внутриглагольному грамматическому словообразованию — категориям вида и залога (стр. 64—69, 70—80, 81—86, 87—104, 105—112).

Наиболее ценной частью книги является вторая ее часть, где автор приложил много усилий в отношении уточнения значений различных спрягаемых форм башкирского глагола. Система спряжения башкирского глагола, за некоторыми исключениями, о которых мы скажем ниже, анализирована автором весьма полно и наиболее удачно.

Суммируя перечисленные положительные стороны данной работы, можно сделать общий вывод о том, что перед нами вполне зрелое лингвистическое исследование, представленное вполне подготовленным филологом-языковедом, хорошо ориентирующимся в материале родного ему башкирского языка и в специальной литературе.

Одним из существенных недостатков в работе А. А. Юлдашева является отсутствие в ней установленных критериев, определяющих границы между словообразованием и словоизменением. Уже само название книги «Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке» требует прежде всего строгого определения точных критериев для установления этих границ. Композиция книги с ее делением на две части (система словообразования и спряжение глагола) позволяет предполагать, что все категории, перечисленные автором в первой части, относятся к словообразовательным. Однако, как это видно из слов самого автора, основные словообразовательные глагольные категории вида и залога он считает и словообразовательными, и словоизменительными.

Так, в отношении видовых форм башкир-

ского глагола автор пишет: «Наряду с лексическим значением, все перечисленные (видовые. — Н. Б.) формы обладают значением, которое не укладывается в рамки отдельного лексико-семантического разряда, является общим для ряда лексико-семантических разрядов, общим для системы основ, т. е. в известном смысле безразличным к лексическому содержанию основы. Это значение сказывается на системе спряжения глагола, на нем строятся определенные правила словоизменения и, следовательно, оно является частью грамматической системы глагола» (стр. 81).

Категория залога также хотя и рассматривается в ч. 1 «Система словообразования», но в то же время весьма решительно отнесена автором к области словоизменения. «Дело в том, что залоговые разновидности глаголов, — пишет он на стр. 88, — как будет показано ниже, представляют собой формы одного и того же слова, т. е. имеют исключительно словоизменительное значение (кроме возвратного залога)».

Таким образом, границы между словообразованием и словоизменением оказываются весьма зыбкими, неопределенными; объясняется это в основном тем, что в книге не всегда четко разграничиваются категории лексические, или, вернее, лексико-грамматические, и категории синтаксические, или синтаксико-грамматические.

Следует отметить, что проблемы категории вида и категории залога являются весьма сложными вопросами грамматики тюркских языков. В каждом конкретном языке категория вида представлена различными формами, которые и в лексическом и в морфологическом плане являются не совпадающими друг с другом и отражающими типологические особенности того или иного языка. Так, категория вида в русском языке образуется четырьмя основными способами: а) префиксацией, б) суффиксацией, в) внутренней флексией, г) словосложением; в тюркских же языках и в том числе в башкирском — двумя способами: а) аффиксацией (суффиксами) и б) словосложением.

Процессы грамматикализации вторых компонентов сложных глаголов в тюркских языках и превращение грамматикализованных элементов в грамматический показатель видовой оттенка не всегда представлены в окончательном виде, многие из вспомогательных глаголов продолжают содержать в себе и знаменательное значение, поэтому не все сочетания основного и вспомогательного глаголов могут быть отнесены к формам глагольного вида. Значительное количество таких сочетаний представляет собой сложные основы глагола с видовым значением, которое выражено в данных основах не грамматически, а лексически.

Задачей исследователей является определение и установление системы глагольных видов во всем ее объеме, базируясь не на сопоставлении с видами в русском языке, а на реальных фактах каждого конкретного тюркского языка.

Весьма сложной и также слабо разработанной является проблема залогов в

тюркских языках. В своей работе А. А. Юлдашев пытался разграничить значения залоговых форм на чисто лексические и чисто грамматические. Однако, как мне кажется, ему это не удалось по двум причинам. Первая заключается в том, что автор при определении этих значений часто опирается не на реальное значение данной формы в башкирском языке, а на ее русский перевод. Так, например, глагол *альшыу* он, исходя из русского перевода «обмениваться», не считает залоговой формой (стр. 88), в то время как указанный глагол (это подтверждается и значением «обмениваться») по своей природе является формой взаимного залога глагола *аа-«брать, взять, получать»*; то же следует сказать и о глаголе *күрешү* (от *күр-*) «видеться друг с другом, встречаться» (стр. 88) и т. д.

Вторая причина заключается в том, что автор считает залог категорией синтаксически обуславливающей, т. е. категорией словоизменительной (стр. 104), не различая при этом субъект и объект действия, с одной стороны, и подлежащее и дополнение — с другой (стр. 104 и сл.). Категорию залога он видит только в тех случаях, когда данная глагольная форма в той или иной залоговой форме управляет строго определенным падежом. Но ведь управление тем или иным падежом характерно и для незалоговых форм, например казахск. *сора-«спрашивать», қорық-«бояться, бояться»* управляют всегда исходным падежом. Точно так же и залоговые формы на общих основаниях управляют теми или иными характеристиками для управления данной глагольной основы падежами. Следовательно, управление глагола известным падежом не может быть критерием, определяющим залоговую форму. Форма залога выражается, как правило, в присоединении к глагольной основе известных формантов. Совершенно иной вопрос, когда некоторые (а иногда и довольно многочисленные залоговые формы) могут рассматриваться и как залоговые формы, и как лексикализовавшиеся, или только как лексикализовавшиеся, изолированные формы, но такая возможность имеет основанием исторически вторичное явление, а не первичное, как считает автор.

Таким образом, категория залога выражает не отношения подлежащего и объекта, с одной стороны, и сказуемого — с другой, а отношения субъекта и объекта динамического признака к самому динамическому признаку (т. е. действию и состоянию), а следовательно, категория падежей как словоизменительная категория, выражающая отношения сказуемого, с одной стороны, и подлежащего и дополнения — с другой, не может привлекаться в качестве критерия при решении вопроса о том, является ли данная форма залоговой или нет.

Нет никаких сомнений в том, что как залоговые, так и видовые категории тюркского глагола — категории лексико-грамматические, словообразовательные. К словоизменению же должны быть отнесены только категории, морфологически выражаю-

шие отношения между собой членов предложения или словосочетания.

Некоторые замечания следует сделать и по второй части — «Система спряжения». Ограничимся только основными.

«Спряжение башкирского глагола, — пишет автор на стр. 115, — равно как и в других тюркских языках, выражается в осложнении общего типового вида глагола основы показателями грамматических категорий, присущих только глаголу, и категории лица. Эти категории распадаются на два типа: 1) категории, общие для всей системы глагола, 2) категории, свойственные только личной форме глагола. К первому типу относятся: категория залога, категория отрицания и категория модальности. Ко второму — категория наклонения и времени».

Таким образом, автор видит в системе спряжения некий синтез всех глагольных категорий. Спряжение же тюркского глагола по существу представляет собой только изменение по лицам: спрягаемая форма, например, причастия на *-ган* отличается от спрягаемой той же формы (например, в функции определения) только аффиксами лица. Все остальные категории, кроме лица, а именно: категории залога, вида и даже наклонения и времени — глагольные категории, возникающие не только в парадигме спряжения, не только в личных, но и в неличных формах глагола. Наиболее характерной для личных форм глагола могла бы считаться категория наклонения, если бы последняя морфологически дифференцировалась с категорией времени. Но, как известно, в тюркских языках эти категории не имеют дифференцированного выражения.

В изложении вопроса о спряжении глагола автор не учитывает того, что временные формы глагола, к которым могут быть отнесены лишь причастия, встречаются часто не только в позиции сказуемого, для которого и характерны личные формы глагола, но и в позиции определения в определительных словосочетаниях. Следовательно, категория времени (и наклонения) присуща не только личным, но и неличным формам глагола.

Нельзя согласиться с автором также и в том, что категории лица в башкирском глаголе выражается тремя показателями: «1) аффиксами сказуемости, 2) аффиксами притяжательности, 3) специальными аффиксами, обозначающими одновременно и данную категорию, и категорию определенного наклонения» (стр. 117). Во-первых, категория лица сама является морфологическим выражением субъектно-предикатных отношений подлежащего и сказуемого. Во-вторых, субъектно-предикатные отношения не могут быть выражены аффиксами притяжательности; видимо, автор имеет в виду категорию принадлежности. В-третьих, аффиксы, выражающие категорию времени или наклонения, не могут одновременно выражать и категорию лица. Здесь автор, видимо, имеет в виду формы

3-го лица, где показатель лица вообще отсутствует. Что же касается показателей первого и второго лица, то за исключением краткой формы повеления 2-го лица, совпадающей с основой глагола, все остальные формы повелительного и других наклонений имеют соответствующие личные показатели.

Из других замечаний, касающихся спряжения глагола, остановимся на следующих. Исторически, да и в современных тюркских языках личные аффиксы не всегда присоединяются непосредственно к основе имени, как пишет автор (стр. 118). Они, как и при глаголе, часто стоят после так называемой связки. При анализе конкретных временных глагольных форм автор иногда недостаточно дифференцирует категорию времени, с одной стороны, и категорию вида — с другой. Здесь имеется в виду так называемое настоящее время, которое исторически образовалось от формы на *-р* по схеме *бар-а-тур-ур-мын > бар-а-тур-ур-м(ы)* «я иду, я еду» (стр. 120).

Нельзя согласиться с автором в отнесении форм типа *миңең бараһым бар иңе* «я должен был поехать» или *миңең йоком килде* «мне захотелось спать» к типу спрягаемых форм. Здесь мы имеем совершенно иные синтаксические отношения. Конструкция *миңең бараһым бар иңе* «я должен был поехать» независимо от русского перевода должна грамматически разлагаться как *миңең бараһым* «мой подлежащий отъезд» — подлежащее и *бар иңе* «был» (буквально: «имелся») — сказуемое. Точно так же и в *миңең йоком килде* «мне захотелось спать» *миңең йоком* «мой сон» — подлежащее и *килде* «пришел» — сказуемое, а не особый вид спряжения глагола, как представляет это автор.

Подводя итоги всему сказанному, следует отметить, что, в отличие от предшествующих исследований по башкирскому спряжению, схема спряжения и анализ семантики временных форм башкирского глагола, представленные в настоящей работе, являются значительным шагом вперед в их изучении. Что касается критических замечаний, высказанных здесь, то во многом основой своей они имеют иной теоретический подход к исследованным в монографии фактам языка. Относясь с полным уважением к мыслям, высказанным в рецензируемой книге, мы не можем, как это видно из изложенного, согласиться с некоторыми из высказываний автора, но вместе с тем считаем и наши замечания в одинаковой мере дискуссионными.

В заключение следует отметить, что книга А. А. Юлдашева «Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке» является значительным шагом вперед как в изучении башкирского глагола, так и в разрешении некоторых общих проблем грамматического строя всех тюркских языков.

Н. А. Баскаков